

Научная статья

УДК. 130.2

doi: 10.17223/1998863X/66/10

ВЛИЯНИЕ УСТАНОВОК МЕТАМОДЕРНИЗМА НА СОВРЕМЕННУЮ ТЕОРИЮ И ФИЛОСОФИЮ КУЛЬТУРЫ: ЭСТЕТИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Светлана Николаевна Оводова¹, Антон Юрьевич Жигунов²

^{1,2} Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

¹ snovodova@mail.ru

² zhigunowanton94@mail.ru

Аннотация. Выявляются установки метамодернизма, определяется их влияние на современную теорию и философию культуры, а также на художественную культуру. Данная система установок метамодернизма апробирована в процессе анализа произведений культуры. Определено, что наиболее наглядно реализацию установок метамодернизма можно наблюдать в нарративных произведениях: фильмах, литературных текстах, перформансах, инсталляциях, театральных постановках.

Ключевые слова: культура, метамодернизм, постмодернизм, философия культуры, искусство, эстетика

Благодарности: Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-1512.2020.6 «Влияние эстетических и этических установок метамодернизма на современные философские концепции культуры».

Для цитирования: Оводова С.Н., Жигунов А.Ю. Влияние установок метамодернизма на современную теорию и философию культуры: эстетический и социокультурный аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 100–110. doi: 10.17223/1998863X/66/10

Original article

THE INFLUENCE OF METAMODERNIST ATTITUDES ON CONTEMPORARY CULTURAL THEORY AND PHILOSOPHY: AESTHETIC AND SOCIOCULTURAL ASPECTS

Svetlana N. Ovodova¹, Anton Yu. Zhigunov²

^{1,2} Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

¹ snovodova@mail.ru

² zhigunowanton94@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to identify the influence of metamodernism on modern philosophical concepts of culture, aesthetic ideas of modernity, embodied in specific cultural phenomena. The problem of the research is the need for a philosophical understanding of the phenomenon of metamodernism, which is due to the influence of aesthetic and ethical attitudes of metamodernism on the sociocultural reality. In the theory and philosophy of culture, as well as in social philosophy, there are discussions about the devaluation and loss of relevance of postmodern discourse and its replacement by postpostmodernist theories. Among the pleiad of postmodern theories, metamodernism is the most prominent and discussed in

Russian social-humanitarian knowledge and cultural practice, which is due to its popularity beyond the boundaries of theoretical academic discourse. The article identifies the interrelated attitudes of metamodernism: oscillation, postirony, historicity, affect, depth, identity, authenticity, new sincerity, neo-romanticism, superhybridism. Their influence on the modern theory and philosophy of culture, as well as on artistic culture is determined. The system of metamodernism attitudes is tested in the analysis of works of culture. The most obvious realization of metamodernism program can be observed in narrative works: films, literary texts, performances, installations, theatrical productions, a series of paintings or photographs. The viewer performs oscillation when observing a work extended in time and space. Oscillation is an alternating immersion into different states and experiences of different affects. The article identifies and describes the relationship between metamodernist and postmodernist cultural discourses.

Keywords: culture; metamodernism; postmodernism; philosophy of culture; art; aesthetics

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the President of the Russian Federation, Project No. MK-1512.2020.6.

For citation: Ovodova, S.N. & Zhigunov, A.Yu. (2022) The influence of metamodernist attitudes on contemporary cultural theory and philosophy: aesthetic and sociocultural aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 100–110. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/10

В теории и философии культуры, а также в социальной философии ведутся дискуссии о девальвации, потере актуальности постмодернистского дискурса и замене его на постпостмодернистские теории [1, 2]. Среди плеяды постпостмодернистских теорий наиболее заметным и обсуждаемым в отечественном социально-гуманитарном знании и культурной практике является метамодернизм [3–7], что обусловлено его популярностью за пределами теоретического академического дискурса. Метамодернизм и связанные с ним понятия используются в эстетическом дискурсе, в медиадискурсе [8, 9], некоторые художники при самоидентификации ссылаются на метамодернизм (например, Шайа Лабаф, Люк Тернер [10], Покрас Лампас и др.). Однако терминологический аппарат метамодернизма все еще находится в становлении, а возрастающая популярность теории метамодернизма в культурной практике скорее способствует выхолащиванию данной оптики, сведению всей теории к набору штампов. Тем не менее выраженные в метамодернизме эстетические и этические установки оказываются созвучны современному миру и находят свое воплощение в феноменах культуры.

Цель статьи состоит в выявлении влияния метамодернизма на современные философские концепции культуры, эстетические идеи современности, воплощенные в конкретных феноменах культуры. Проблема исследования заключается в необходимости философского осмысления феномена метамодерна, что обусловлено влиянием эстетических и этических установок метамодернизма на социокультурную реальность. Для достижения данной цели мы выявим установки, присущие метамодернизму, а также осуществим апробацию обнаруженных установок посредством анализа феноменов культуры.

Основные теоретические положения о метамодернизме были сформулированы Тимотеусом Вермюленом и Роббином ван ден Аккером в 2010 г. [11], а в 2017 г. получили свое развитие в монографии, написанной исследовательским коллективом с их участием [12]. В 2010 г., когда Р. ван ден Аккер и Т. Вермюлен начинали комплексную работу по осмыслению указанного феномена метамодерна, они обозначили: «Метамодернизм – это не философия.

Это также не движение, не план или программа, не художественная заметка, визуальный концепт, литературный прием или троп. <...> Опять же, это не система, движение или прием. Для нас это структура чувства. <...> Для нас метамодернизм не является концептом или утопической целью. Он может описать распространение такой цели в современной культуре, но, безусловно, не предписывает ее выполнение. <...> Использование термина рождается из попытки описать изменения в области эстетики, политики, экономики. Мы считаем, что эти изменения не вполне просты для понимания (не вполне однозначны, с точки зрения постмодерна). В конечном счете, метамодернизм это термин, используемый для систематизации происходящего и осмысления исторических событий» [13].

Уильямс отмечает, что «структура чувства» «на стадии возникновения не требует дефиниций, классификаций, рационализации, пока не оказывает осязаемое влияние и не устанавливает эффективные пределы опыта и действий» [14. С. 132 (перевод авторов статьи)]. Эта идея подталкивает теоретиков метамодернизма назвать его «структурой чувств». Мы предполагаем, что на современном этапе развития метамодернизм достиг значимого уровня влияния на современную культурную реальность, в частности на массовую культуру [15], художественный дискурс, медиадискурс и т.п. Данное предположение побуждает нас осуществить методологическую рефлексию феномена метамодернизма и выявить систему установок, оперирование которой позволило бы при анализе современных феноменов культуры выявлять метамодернистские тенденции. Целью нашей статьи является выявление системы взаимосвязанных установок метамодернизма и апробирование полученных результатов при анализе современных произведений культуры, что позволит выявить методологический потенциал метамодернистского подхода для теории и философии культуры.

Метамодернизм, на наш взгляд, состоит из нескольких взаимосвязанных установок: осцилляция, постирония, историчность, аффект, глубина, самость, аутентичность, новая искренность, неоромантизм, супергибридность. Называя указанные приемы установками, мы подчеркиваем, прежде всего, их функциональную суть как способ развертывания метамодернизма в современной культуре. Осцилляция представляет собой понятие первого порядка, она организует и связывает все остальные установки в метамодернизме.

В теории метамодернизма Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера мы видим непосредственную ссылку на теорию постмодернизма Ф. Джеймисона, которая становится наиболее явной в их коллективной монографии, где они осуществляют отсылку в самом названии книги. Метамодернисты вслед за Джеймисоном используют те смысловые оси, которые он назвал конститутивными чертами постмодернизма в книге «Постмодернизм или Культурная логика позднего капитализма»: «Оси историчности, аффекта и глубины, как культурной логики, мы для своей книги выбрали потому, что они соответствуют тем, на которые опирался Джеймисон, создавая концепцию культурной логики постмодерна» [12. С. 79]. Постмодерн акцентирует скольжение по поверхности, отказ от глубины, историчности и аффекта, в терминах Ф. Джеймисона [12. С. 92–156]. Метамодерн возвращает аутентичность, глубину, аффект, историчность и субъектность в качестве установок в современную культурную практику.

Несмотря на то что теоретики метамодернизма опираются на конститутивные черты, которые выделяет Джеймисон, они пытаются отмежеваться от постмодернизма, однако включают его художественные приемы: «...авторы настаивают на рождении специфической чувственности метамодерна и утверждают, что он, несмотря на то, что перенял некоторые стилистические особенности постмодерна, использует их для достижения совсем других целей. В отличие от постмодернистских аналогов, ситкомы эпохи метамодерна используют такие приемы, как ирония, пастиш и пародия для выражения эмоционального аффекта» [12. С. 220]. Это позволяет метамодернистам использовать приемы предшествующих культурных логик, но осложняет идентификацию исключительно метамодернистских художественных практик.

Внимательный анализ указанных нами метамодернистских установок дает возможность увидеть, что метамодернисты воскрешают субъекта (происходит отказ от концепции смерти автора), что сопряжено с возвращением субъекту самости, аутентичности. Субъект метамодерна – это не «просвещенческий» субъект, существование которого было оправдано мышлением (смерть которого произошла из-за недоверия к институционализированному в науке мышлению), это субъект чувствующий, выразитель чувственно-эмоционального опыта.

Возврат историчности, интереса к истории сопряжен с метамодернистскими установками глубины, аутентичности. Сами теоретики метамодернизма акцентируют внимание, что вся их коллективная монография представляет собой переосмысление современной культуры в контексте поворота к Истории: «...предпринимается попытка описать структуру и облечь в язык концепций явления в сфере культуры и искусства, связанные с ощущением возврата или поворота Истории – в критическом дискурсе и воображении масс – как суммы слагаемых наших объективных условий и нарратива, связывающего наше настоящее с далеким прошлым и столь же далеким будущим» [12. С. 43]. Результатом поворота к Истории является возврат метанарративов, конечно, стоит понимать, что это уже не взятые в первозданном виде метанарративы Просвещения, модерна и т.п., происходит их трансформация, они переосмыслиются и порой описываются сквозь призму личного опыта.

Возвращение субъекта в метамодернизме, на которое мы уже указывали выше, нам кажется важной составляющей его дискурса. В сравнении с фрагментированным множественным субъектом постмодернизма, лишенным аффекта и не связанным с глубинной, «глубина заменяется поверхностью или многими поверхностями (в этом смысле то, что называется интертекстуальностью, более не является вопросом глубины)» [16. С. 103], колеблющийся, осциллирующий субъект метамодернизма вновь начинает искать свои основания. Осцилляция свидетельствует о поиске, но и не об обретении целостности, однако метамодернистский субъект вновь обращается к аффектам, глубине, говорит о своей аутентичности посредством использования автобиографичности, осмысления своих чувств и т.п.

В процессе анализа теоретических работ, в которых осмыслиется терминология и содержание метамодернизма, а также разнообразных социальных практик и произведений искусства возникло закономерное утверждение о многообразии структуры метамодерна. Поскольку сам метамодернизм не

сводится к сумме его установок и, как было отмечено, подчиняется принципу осцилляции, представляется, что функциональные элементы метамодернизма способны к множественной вариативности, где каждая комбинация, с одной стороны, порождает новые смыслы и расширяет возможности применения культурной логики метамодерна, с другой – конституирует более высокий уровень метамодернистской структуры.

Так, последовательное объединение таких установок, как двойное фреймирование (Р. Эшельман), супергибридность (Й. Хейзер) и новая искренность (А.Д. Джеймисон), создает широкий потенциал для формирования визуальной эстетики. Сочетание новой искренности, супергибридности, постиронии и перформативности прослеживается в композиции, содержании, а также выразительных средствах литературных произведений, относящихся к метамодернистским. Использование в СМИ концепции новой искренности вкупе с глубиной и принятием формирует новое медиадикурсивное пространство.

Вступая во взаимосвязи между собой, эти установки формируют баланс содержательных и формальных элементов, предоставляя автору (художнику) выбор инструмента. При этом автор также самостоятельно воспроизводит в произведении ту или иную последовательность, каждый раз заново и автономно формируя метамодернистскую структуру.

Думается, что создание альтернативных комбинаций с имеющимися и новыми установками является продуктивной формой метамодернистской логики, обеспечивающей эскалацию и проникновение метамодерна в новые сферы и типы дискурса.

Наиболее наглядно реализацию установок метамодернизма можно наблюдать в нарративных произведениях: фильмах, литературных текстах, перформансах, инсталляциях, театральных постановках, сериях картин или фотографий. При наличии разворачивающегося во времени и пространстве произведения зритель может осуществлять осцилляцию, попеременно погружаясь в различные состояния и переживая различные аффекты.

В качестве примеров реализации метамодернистского подхода проанализированы художественные инсталляции, произведения искусства (литература, кинематограф, архитектура), свидетельствующие о сознательном или ненамеренном использовании авторами установок метамодерна. Реализация работы принципа маятника (осцилляция) очевидна на примерах культурных объектов современности: в инсталляциях (Л. Бул, М. Рубанков), литературе (М. Данилевский «Дом листьев», У. Каннингем «Снежная королева», «Начинается ночь», Дж. Евгинидис «Средний пол»), архитектуре (работы Херцог и де Мёрон, Б. Ингельса), кинематографе (Д. Роузфельдт, П. Соррентино) и многих других сферах.

Проявление метамодернистских установок мы можем зафиксировать в сериях инсталляций южнокорейской художницы Ли Бул «Мое великое повествование» (2005 г.) и «Желание быть уязвимым» (2015 г.). Оба этих проекта демонстрируют реализацию приема осцилляции, где происходит переосмысление утопий модерна через конструирование одновременного переживания восторга и разочарования. В обеих сериях Ли Бул использует образы культуры «Большого и жесткого» модерна, демонстрируя его хрупкость. Великие проекты модерна в работах художницы осмысляются как не-

достижимые и недолговечные. В своих произведениях Ли Булл выходит за рамки исключительно постмодернистской критики модерна. В инсталляциях мы видим восторг и упоение формами модернизма, которые Ли Булл воспроизводит: аэростат, скульптурные формы, вдохновленные Баухаусом и ВХУТЕМАСОМ, аллюзии на цирк, строящийся завод и т.п.

Одна из инсталляций из серии «Желание быть уязвимым» (2015) представляет собой огромный аэростат из фольги, проходящий сквозь пелену прозрачной пластиковой занавески, на которой изображены подъемный кран и циркачка. В пронзающей занавеску аэростате считываются образы хрупкости мира и хрупкости самого аэростата (художница в том числе осмысляет крушение дирижабля «Гинденбург» в 1937 г., который взорвался при посадке), аллюзии на фрейдизм, размышления о хрупкости человеческой жизни и о балансе, который позволяет сохранить в целостности мир, культуру и человека. Массивные, но при этом легко разрушаемые или прозрачные объекты инсталляций «Желание быть уязвимым» представляют собой не просто утверждение модернизма, поскольку чрезмерным кажется контраст формы объекта, идеи, которую они воплощали в прошлом, и материала, из которого их выполнила художница.

Инсталляция из проекта «Мое великое повествование» (2005) представляет собой залитую розово-белой эпоксидной смолой груду сваленных в кучу узнаваемых объектов модернизма. Перед нами раскрывается вид разрушенного модернизма, транслируется идея того, что торжество воплощенного Великого проекта будущего может обернуться катастрофой. Модернизм как утопия рассыпается на наших глазах обломками цитат. В эту серию также входит «некартографическая карта» деревни детства Ли Булл из проекта «Мое великое повествование», которая представляет собой ментальное картирование пространства. Получившаяся карта, состоящая из переплетающихся тропинок и отдельных объектов, не обязательно должна соотноситься с реальностью. Главным является отражение личного переживания общения с определенной локальностью и обращение к своей памяти. Эскизы пространственных инсталляций проекта «Мое великое повествование» демонстрируют фрагменты городов, сползающих со стен, словно оплавленный воск свечи. Получившиеся наброски местности – это уже не карта и не калька, говоря языком Ж. Делёза и Ф. Гваттари, это личный нарратив, который прорывается сквозь дискурс модерна и постмодерна, сквозь собственные воспоминания и передает ощущение от пространства. Инсталляции заставляют нас почувствовать эмоцию, которую пытается передать художница. В метамодернистском дискурсе является важным запечатление чувства, которое рождается непосредственно от взаимодействия с произведением искусства, с миром, с другими людьми; для обозначения этой установки используется термин Г. Бёме «атмосфера». В данных инсталляциях мы видим качание от идей модернизма к постмодернизму; художница не отказывается ни от дискурса модерна, ни от дискурса постмодерна, которые воспринимаются посредством ностальгии и иронии, но одновременно намечает отход от деконструкции и цитации через обращение к личному опыту чувственного переживания культуры.

Примечательными в творчестве Ли Булл являются не только форма и материал инсталляций, но и названия, которые она им дает. «Мое великое повествование», как отмечают кураторы выставки Ли Булл в Санкт-Петербурге

(2020 г.), представляет собой отсылку к Ж. Лиотару и его идее о невозможности создания великих нарративов в период постмодернизма. В противовес Лиотару Ли Бул провозглашает необходимость создавать «свои» личные истории, что демонстрирует автобиографичность и возвращение субъекта. Название «Желание быть уязвимым» возвращает чувственность в искусство, создает эфемерность, слабость монументальной инсталляции и объекта, который она знаменует. Если в модерне создаются утопии, в постмодернизме провозглашается смерть утопии и конец истории, то в метамодернизме создается надежда на будущее, происходит воскрешение историчности как личного ощущения возможности выхода из дискурса о конце истории.

Художественный проект-инсталляция омского художника Михаила Рубанкова «Атомные тени» (2021), представляющий собой изображения силуэтов людей и живых существ, как будто оставленных после взрыва на развалинах заброшенной ракетной части в Омской области, также проблематизирует установки модерна, подвергая их постмодернистскому переосмыслению. С одной стороны мы испытываем ностальгию и грусть при виде обломков советской эпохи, а с другой стороны, силуэты растворившихся в воздухе людей заставляют нас задуматься о цене имперских свершений, ощутить разочарование. Помимо разочарования и ностальгии проект также содержит иронию, которая проявляется в выборе силуэтов и их нумерации. Всего проект содержит пять силуэтов, которые пронумерованы автором, но будто бы пронумерованы ликвидаторами и исследователями несчастного случая. Перечислим образы от 1 до 5 в той последовательности, которая заложена художником: крыса, собака, женщина, мужчина, ангел в противогазе. Проект сопровождается видео, которое сделано в жанре мокьюментари. Видео напоминает съемки с места происшествия, а закадровый голос, будто голос диктора, задает систему осмысления разворачивающихся кадров, описывая обнаруженные объекты. Совмещение документальности и юмора создает эффект постиронии при восприятии инсталляции.

Тема руин является ключевой для искусства романтизма, где посредством данного образа воспевалась скоротечность бытия и сиюминутность жизни. Например, изображения руин мы встретим в работах художника-романтика Каспара Давида Фридриха. Метамодернизм использует неоромантическую эстетику, поэтому актуализация тематики романтизма позволяет нам увидеть в современных произведениях элементы метамодернистской эстетики. В инсталляциях Ли Бул и Михаила Рубанкова происходит осмысление руин эпохи модерна, но в обоих случаях мы имеем дело не с циничной иронией постмодернизма. Зритель осциллирует, ощущая переход от ностальгии, искренности к иронии.

Реализация «новой искренности» вкупе с супергибридностью очевидна в романе М. Данилевского «Дом листьев», который построен на многоуровневом повествовании и представляет собой так называемый текст в тексте в тексте. Главный герой татуировщик Джонни Труэнт находит в квартире недавно умершего слепого Дзампано рукопись труда о фильме «Пленка Нэвидсона», автором которого выступает фотограф Уилл Нэвидсон. Указанный фильм является в данном случае текстом первого уровня, поскольку представляется собой триггер к дальнейшему сюжетному повествованию. Тексты второго уровня – научнообразная рукопись, автором которой предположи-

тельно является Дзампано, накладывает дополнительный фактумный слой, заставляя читателя поверить в происходящее в фильме, придать ему статус дискуссионного, хотя и коррелирует с постмодернистскими приемам убеждения. Наконец, текст третьего уровня – приближенный к суровой реальности отрывок из жизни наркомана-татуировщика, повседневные будни которого разрушает эта история. Отдельным существенным элементом повествования выступают так называемые метатексты, собранные в части «Приложение» и являющиеся емкими философскими, культурологическими, технологическими и биографическими реминисценциями.

Очевидно, что содержательная система, выраженная в переплетении многоуровневого текста, подчиняется законам метамодернистской осцилляции, балансирует на нескольких гранях, близких в реальности. «Игра» фотографа У. Нэвидсона и его собственного дома подвергается сомнению. Результатам соперничества в этой игре является не победа или поражение, но принятие неизбежного факта: бесконечности и изменчивости дома. Герой проходит несколько психологически мучительных этапов, в том числе и отрицание этой игры, является свидетелем того, как игра убивает в буквальном смысле, разрушает тех, кто пытается ее отринуть.

Здесь же наблюдается реализация супергибридности, выраженная во взаимном проникновении разных типов текстов, синтезе кинематографа и академизма, повседневности и чуда, многообразии нарративных уровней.

Фильм Джулиана Роузфельда «Манифесто» (2015), основная идея которого выражена фразой живописца К.С. Малевича «в искусстве нужна истина, но не искренность», является своеобразным подведением культурных итогов нескольких веков, осуществленным в метамодернистской стилистике. Тринадцать наиболее значимых социально-политических и культурных манифестов обыграны актрисой (Кейт Бланшетт). Режиссер направляет мысль зрителя, заставляя проанализировать модернистские и постмодернистские времена через выдержки из главных источников – манифестов. Более того, образ главной героини (он совпадает с рассказчиком – закадровым голосом) для каждого манифеста собирается заново, индивидуально формируется исходя из разных причин.

Так, марксизм и его частное направление, ситуационизм (выдержки из работ Л. Фонтана, А. Нивенхейса, А. Родченко, Г. Дебор), находят отражение в образе озлобленного бездомного. Его небрежный внешний вид, озлобленность на неудавшуюся попытку строительства утопии, вписывается в индустриальные развалины, а седая борода подтверждает несвоевременность притязаний. Следующий шаг – футуризм (выдержки из работ Ф.Т. Маринетти, Д. Балла, Д. Северини, Г. Аполлинера, Д. Вертова), изображенный в виде оживленной работы брокера на бирже, знаменующий, возможно, преждевременную, но все же победу капиталистического общества. И так далее по всему мировому историческому процессу.

Осцилляция в указанном произведении представляет собой не только художественную задумку, но и конструирует принципиально новый облик прошедших XIX и XX вв., апеллируя к образу мышления человека модерна и постмодерна. В то же время «Манифесто» является своеобразной чертой, подведенной под анализом разрозненных и дополняющих друг друга взглядов на социокультурный континуум. Неприкрытые в формулировках дадаи-

сты, устраивающие символические похороны реальности, культуры и искусства (Т. Тцара, Ф. Пикаби, П. Элюар и др.), консервативная мать, молящаяся перед обедом цитатами теоретиков поп-арта (К. Олденбург), учительница, размышляющая перед маленькими детьми об отсутствии оригинального в современном искусстве (С. Брекидж, Л. фон Триер, Л. Вудс и др.).

Приведенный пример, на наш взгляд, демонстрирует исключительность метамодернистского подхода: свободу в попытке интерпретации, бесконечную комбинаторную возможность, символизирующую взаимоотношение похожих, отличающихся и не пребывающих ни в каких взаимоотношениях социокультурных феноменов, мыслительных паттернов. Такое многообразие порождает вариативности в поисках правды, которая также подвергается сомнению в исконной форме и подчиняется принципу маятника, взаимодействия с другими объектами.

Такой способ познания предлагает Дж. Роузфельдт. Сколько-нибудь значащая истина может быть выработана путем многократных осцилляций, трансформации сцепленных, но не принадлежащих друг другу убеждений. При этом фильм обладает особым уровнем иронии: помещая фрагменты культурологически значимого текста (манифеста) в бытовые, концептуальные, индустриальные, творческие, деловые, коммуникационные, ритуальные и другие ситуации, автор сохраняет значимость этого текста и не умаляет ценности ситуации, в которую этот текст инкрустирован. Текст манифеста при этом трансформируется, становится поликодовой инсталляцией, многомерным объектом. И его уже недопустимо воспринимать отдельно от видеоряда, актерской игры и экшена, это единый аудиовизуальный продукт, подводящий черту под модернистским и постмодернистским образом мысли.

Предложенная нами совокупность метамодернистских установок, представляющая собой список его функциональных компонентов, позволяет высвечивать особые смыслы, которые присущи метамодернизму и не может быть осмыслена и описана средствами исключительно постмодернистского дискурса. Конечный перечень установок нельзя сформулировать в связи с тем, что метамодернизм находится в становлении, а художники обращаются к отдельным приемам метамодерна, но крайне редко манифестируют себя как метамодернисты. Несмотря на то что метамодернизм, в отличие от постмодернизма, на данный момент не превратился в эпохально значимую социокультурную теорию, осуществленный нами анализ теории метамодернизма позволяет установить механизмы распространения в культуре установок, отличных от постмодернизма.

Список источников

1. *Hutcheon L.* The Politics of Postmodernism. New York ; London : Routledge, 2002. 402 p.
2. *Павлов А.* Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 560 с.
3. *Сербинская В.А.* Постмодернизм и метамодернизм: разграничение понятий и черты метамодернизма в современной литературе // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2017. № 26. С. 22–30.
4. *Венкова А.В.* Политика идентификации в искусстве метамодернизма // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 32. С. 203–213.
5. *Артемченко А.П., Артемченко Я.И.* От постмодерна к метамодерну: формирование современных визуальных практик // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 47–58.

6. Маркова А.С., Мамукина Г.И. Метамоде́рнизм: преодоление дискретности и индивидуализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 89–98.
7. Спиваковский П.Е. Метамоде́рнизм: контуры глубины // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология. 2018. № 4. С. 196–211.
8. Иссерс О.С. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 216–227.
9. Оводова С.Н., Жигунов А.Ю. Метамоде́рнистский медиадискурс в современной культуре: от глобального молчания к глубокой искренности // Вестник Омского университета. 2020. Т. 25, № 4. С. 94–101.
10. Тернер Л. Манифест метамоде́рнизма // METAMODERN: журнал о метамоде́рнизме. [Online] Available from: <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (дата обращения: 11.09.2021).
11. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. P. 1–14.
12. Ван ден Аккер Р. Метамоде́рнизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмоде́рнизма. М.: РИПОЛ классик, 2019. 494 с.
13. Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамоде́рнизме // METAMODERN: журнал о метамоде́рнизме. URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 11.09.2021).
14. Williams R. Marxism and literature // URL: https://blogs.commonsgorgetown.edu/engl-594-fall2013/files/2013/08/Marxism-and-Literature_Dominant_Residual_Emergent.pdf (accessed: 11.09.2021).
15. Оводова С.Н., Добровольский Д.В. Нарратив науки и ирония в «Рик и Морти»: метамоде́рнизм vs постмоде́рнизм // Вестник Омского университета. 2020. Т. 25, № 3. С. 54–60.
16. Джеймисон Ф. Постмоде́рнизм или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 816 с.

References

1. Hutcheon, L. (2002) *The Politics of Postmodernism*. New York; London: Routledge.
2. Pavlov, A. (2021) *Postpostmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teoriya ob"yasnyayut nashe vremya* [Post-postmodernism: how social and cultural theory explain our time]. Moscow: Delo, RANEP.
3. Serbinskaya, V.A. (2017) Postmodernizm i metamodernizm: razgranichenie ponyatiy i cherty metamodernizma v sovremennoy literature [Postmodernism and metamodernism: differentiation of concepts and features of metamodernism in modern literature]. *Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskij al'manakh*. 26. pp. 22–30.
4. Venkova, A.V. (2018) Identification politics of metamodern art. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 32. pp. 203–213. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/32/20
5. Artemenko, A.P. & Artemenko, Ya.I. (2020) From Postmodernism to Metamodernism: The Formation of Modern Visual Practices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 58. pp. 47–58. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/58/5
6. Markova, A.S. & Mamukina, G.I. (2019) Metamodernism: overcoming discreteness and individualism. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 1. pp. 89–98. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-89-98
7. Spivakovskiy, P.E. (2018) Metamodernism: Outlining the Contour. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 4. pp. 196–211. (In Russian).
8. Issers, O.S. (2020) Dimensions of a “New Sincerity” in Modern Political Communication. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History, Philology*. 19(6). pp. 216–227. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
9. Ovodova, S.N. & Zhigunov, A.Yu. (2020) Metamodernistic media-discourse in modern culture: from global silence to deep sincerity. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 25(4). pp. 94–101. (In Russian).
10. Turner, L. (n.d.) *Manifest metamodernizma* [Metamodernism Manifesto]. [Online] Available from: <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (Accessed: 11th September 2021).

11. Vermeulen, T. & van den Akker, R. (2010) Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*. 2. pp. 1–14.
12. van den Akker, R. (2019) *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. Translated from English. Moscow: RIPOL klassik.
13. Vermeulen, T. & van den Akker, R. (n.d.) *Zametki o metamodernizme* [Notes on Metamodernism]. [Online] Available from: // <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (Accessed: 11th September 2021).
14. Williams, R. (2013) *Marxism and literature*. [Online] Available from: https://blogs.commons.georgetown.edu/engl-594-fall2013/files/2013/08/Marxism-and-Literature_Dominant_Residual_Emergent.pdf (Accessed: 11th September 2021).
15. Ovodova, S.N. & Dobrotvorskiy, D.V. (2020) The narrative of science and irony in “Rick and Morty”: metamodernism vs postmodernism. *Vestnik Omskogo universiteta*. 25(3). pp. 54–60. (In Russian). DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(3).54-60
16. Jameson, F. (2019) *Postmodernizm ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism]. Translated from English. Moscow: The Gaidar Institute.

Сведения об авторах:

Оводова С.Н. – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, факультета теологии, философии и мировых культур Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского» (Омск, Россия). E-mail: snovodova@mail.ru

Жигунов А.Ю. – преподаватель кафедры теологии, философии и культурологии факультета теологии, философии и мировых культур Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: zhigunowanton94@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ovodova S.N. – Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: snovodova@mail.ru

Zhigunov A.Yu. – Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: zhigunowanton94@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.12.2021;
одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 12.12.2021;
approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 04.05.2022*